

Е. КАРЕТНИКОВА

ПОДАРОК ИЗ ПРОШЛОГО

Издательство
АСТ

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К22

Каретникова, Екатерина Алексеевна.

К22 Подарок из прошлого / Е. Каретникова. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 222, [2]с.: ил. — (Моя Родина).

ISBN 978-5-17-178293-1.

Екатерина Каретникова — автор множества книг для детей и подростков, обладатель литературных премий. Она пишет в разных жанрах, от романов для девочек до детективов. В книге «Подарок из прошлого» Екатерина Каретникова затрагивает тему Великой Отечественной войны.

Елисей Колесников, или попросту Лис, — обычновенный современный подросток. Он учится в школе, играет на гитаре, общается с одноклассниками. Но однажды ему на глаза попадается старый дедушкин альбом с монетами. Вместе с альбомом Лис открывает глубоко запрятанные семейные тайны. И вскоре понимает, как тесно связаны настоящее и прошлое, семья и первая любовь, герои войны и предатели.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Каретникова Е.А., 2025
© Крашенинникова С.А., ил., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Глава первая

ЛИС. 2021 ГОД

Лису было больно. Он сжал зубы, стиснул кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и захмурился. Но это не помогло. Боль не ушла и даже не стала слабее. Ни капельки.

Лис судорожно сглотнул и застонал. От этого звука тишина, будто склеенная из сотен разных пластинок, затрещала по швам, звякнула и разлетелась. Мелкие осколки рассыпались в пыль, а крупные превратились в фальшивые ноты и зависли над головой. По крайней мере, так представилось Лису. У него вообще было воображение хоть куда. Ему об этом говорили чаще, чем называли по имени. Потому что своё имя Лис не любил, а о придуманном рассказывал многим. Не обо всём, конечно, а о том, что можно было нарисовать или превратить в простую

мелодию. Сложные мелодии Лис тоже не любил. Может быть, из-за того, что не мог сыграть их на гитаре.

Эту гитару принёс дядя Вольдемар. Приехал на еле ползущей белой «копейке», припарковался под балконом. Вместо привычного вафельного торта или пакета с конфетами в шуршащих обёртках достал с заднего сиденья чёрный кожаный чехол. Лису чехол сразу показался живым, но очень старым и уставшим от передряг. С негосыпалась бурая крошка, а застёжка-молния скрипела не хуже несмазанных дверных петель.

Вынутая из чехла гитара смотрела на Лиса пустым круглым глазом и жалобно щерилась декой без струн. Но его не обманула. Он с первой секунды понял, что это за инструмент.

— Зачем вы, дядя Вольдемар? — задыхаясь от восторга, прошептал Лис.

— Тебе жить, — кривовато улыбнулся дядя Вольдемар. — А я всё равно не могу.

И будто сомневаясь, пошевелил длинными пальцами, с выпирающими на сгибах косточками.

— Пропил я свои песни, Елька.

Лис хотел было сказать, что у дяди Вольдемара всё ещё впереди и пальцы отойдут непременно. Но посмотрел на осунувшееся лицо с рыжеватой щетиной, на глаза в крас-

ных прожилках и промолчал. Это кому другому, а дяде Вольдемару врать не нужно. Ни для приличия, ни из вежливости. Он любую неправду за версту чует. А уж Лисову — за десять вёрст. Зря, что ли, он был лучшим другом отца? До самого последнего дня.

В общем, Лис не стал ничего говорить, а взял гитару и утащил к себе в нору. То есть в комнату-спальню, где одна стена была зашвешана плакатами и фотографиями, а вдоль второй (напротив) стояла его кровать с цветастым покрывальцем. Лис только смотреть телевизор уходил в большую, общую с матерью и сестрой, комнату. А жил здесь.

Через неделю гитара блестела прозрачным лаком и серебряно тренъкала новыми струнами. Теперь Лис мог, разминая сухие мозоли на пальцах, подбирать аккорды и осторожно проверять их голосом. Сначала гитарным, потом своим.

По вечерам он ёщё колдовал то над колками, то над порожками, но скорее для удовольствия, чем по необходимости. Гитара и так звучала. Это ясно было не только Лису. Это понимал каждый, кто слышал рассыпавшиеся из-под Лисовых пальцев звуки.

Лис перевёл дыхание и слизнул кровь с губы. Вот и всё. Ещё секунда или минута, и самое страшное случится. А после этого ни Лис, никто другой не смогут ничего

исправить. Даже если очень захотят и будут готовы заплатить нешуточную цену. То есть Лис и сейчас готов был заплатить. Но того, что он мог отдать, у него не брали. Им это было не нужно. Им просто хотелось отомстить. И даже не Лису. Или не только Лису. Но отомстить — обязательно. Жестоко, унизительно и непоправимо.

Лис даже не услышал, а почувствовал, что гитару сжали чужие руки. А потом и услышал, конечно. Струны зазвенели вразнобой, будто не понимая, чего от них хотят. У Лиса гитара не фальшивила. Раз в неделю он подкручивал колки — но чуть-чуть, для порядка. А сейчас струны пели каждая сама по себе. Да и не пели они. Скорее — вскрикивали.

Лис выдохнул ставший сухим и горячим воздух и открыл глаза. Что он мог сделать? Один, со связанными за спиной руками и разбитым в кровь ртом? Ни-че-го. Он всё понимал. Но почему-то ему показалось, что если глаза останутся зажмуренными, это будет предательством.

Чужие руки не просто держали его гитару. Они подняли её над каменными ступеньками и медленно покачивали на весу.

— Десять, девять, восемь...

Лис безнадёжно рванулся вперёд и вдруг почувствовал, что верёвки на запястьях об-

мякли. Он на мгновенье застыл, а потом пошевелил руками за спиной не просто от бессильного бешенства, а осмысленно. Верёвка скользнула вниз. Лис осторожно посмотрел на ведущего обратный отсчёт. Тот был увлечён своим занятием на все сто. То ли упивался безраздельной властью над Лисовой гитарой, то ли с трудом вспоминал следующие по убыванию цифры. Поэтому на Лиса он не смотрел и его освободившихся рук не заметил.

— Семь, шесть, пять...

Почему-то монотонно повторяющиеся звуки голоса напомнили Лису стук метронама. Как будто издававший звук не был живым существом. Как будто если в его груди и билось сердце, то механическое. А раз так, то просить обладателя этого механического сердца о чём бы то ни было — бесполезно и глупо.

— Четыре, три, два...

Лис и не стал просить. Он, конечно, был меньше ростом. И уже в плечах. Но сейчас ему было на это абсолютно наплевать.

— Оди...

Окончания счёта Лис дожидаться не стал. Он оттолкнулся руками, ногами и всем, чем мог, чтобы взлететь со стула как можно дальше. И ухватиться руками за гриф с ювелирно

[,]

подточенными порожками. А потом в последний раз поднять гитару, пока она ещё не стала лакированными щепками, и изо всех сил отшвырнуть вниз. К первым ступенькам крутой каменной лестницы. Своими руками. Потому что спасти гитару от чужих Лис не мог. Это он тоже знал. Точно.

Гитара упала с глухим стуком, будто и не гитара, а так... И в самом деле гитарой быть перестала. Превратилась в тонкие щепки, палку-гриф и бесформенный шалашик деревях. По крайней мере так показалось Лису.

Острая боль вспышкой дёрнулась внутри Лиса, и её пламя охватило всё: сердце, голову, плечи. Лис пошатнулся и, не удержав равновесие, покатился по ступеням вслед за гитарой.

— Псих! — выкрикнул тот, кто вёл обратный отсчёт. — Псих ненормальный!

В голосе почему-то явственно звенели слёзы. Лис успел удивиться на лету, а потом падение прервалось, и он перестал соображать окончательно.

Лежал головой на нижней ступеньке и смотрел на то, во что превратилась его гитара.

Если бы он сумел, то, наверное, завыл. Но в горле было так сухо и терпко, что ни один звук не мог прорваться наружу. И Лис молчал. Молчал и больше ничего.

Глава вторая ГРИШКА. 1944 ГОД

Не было ничего. Ничего, кроме снега, ветра и влажного шерстяного платка, наползающего на глаза. Из-за него Гришка видел только утоптанную чужими валенками дорогу и юбку матери, медленно шагающей впереди.

Концы платка, завязанные тугим узлом на спине, мешали дышать. Правда, может, дело было не в них, а в том, что Гришка устал до тошноты, ноги разъезжались на скользком насте и морозный ветер бросал в лицо горсти колючих снежинок. Может быть, это ветер не давал как следует вздохнуть. Или усталость. Или снежинки. Но Гришке казалось, что платок мучает больше всего. Он его ненавидел. Ненавидел так, что решил избавиться непременно. Вот только зима закончится.

Зимой Гришка уничтожить платок не мог. Потому что мать заметила бы это в тот же день или на следующий. Она, скорее всего, даже не ругала бы Гришку. В последнее время она вообще разучилась ругаться. Мать посмотрела бы покрасневшими слезящимися глазами и отвернулась. А потом не говорила бы Гришке ни слова несколько дней.

Это очень страшно, когда с тобой так долго не разговаривают. Страшнее даже, чем когда кричат или хлопают по затылку скрученной в трубку газетой.

Вообще-то газетой Гришку никто по затылку не бил. Но он видел, как отец Мишки Фролова замахнулся на сына, когда тот заныл, что не будет нянчить годовалую сестрёнку, а пойдёт с ребятами на горку. Отец только замахнулся, не ударил. Но Мишка сразу сник и поплёлся к сестрёнкиной кроватке.

Мишка был лучшим другом. И единственным. Он делился с Гришкой хлебом и сливочным маслом. От этого масла их обоих подташнивало. Но больше-то всё равно ничего не было, а есть хотелось так, что кишки скручивались в тугие жгуты и слюни закипали во рту.

Мишкин отец работал на маслозаводе. И Мишкина мать. И почти все, кто остался в посёлке и мог работать. Кроме Гришкиной мамы. Она бы тоже устроилась на маслозавод, если бы её взяли. Ведь там давали паёк. И масло, и обрат*. Но её почему-то не взяли. Только изредка, когда требовались лишние руки, начальник второго цеха заглядывал вечером на их двор и коротко цедил:

* Обрат — молоко, пропущенное через сепаратор; обезжиренное молоко (прим. ред.).

— Ангелина, выходи!

На следующий день мать вскакивала ни свет ни заря и убегала. Гришка оставался один — сам себе хозяин. Чистил картошку, подметал комнату, даже кулеш* как-то раз сварил, когда мать оставила две горсти пшена и кусочек сала. Хороший был кулеш, нажористый. Только мать потом ворчала, что пшена можно было бы и поменьше положить, а воды налить — побольше.

Гришка, чем хозяйствовать, лучше бы к ребятам сбежал, но к февралю у него развалились валенки. Мать за голову схватилась, увидев серые ошмётки войлока. Собрала что-то в узелок и пошла к Митричу, который валенки валял. Вернулась скоро. Вещички из узелка назад в комод сунула, слёзы вытерла и бросила Гришке на колени свёрток.

— Носи! Пожалел Митрич тебя, сироту. Даром отдал.

— Я не сирота! — возмутился Гришка. — Папа вернётся! Он обещал!

Мать горько усмехнулась.

— И не буду я эти валенки носить! — пропурчал Гришка. — Мне подачки не нужны. Папа мне сапоги купит. Хромовые.

* Кулéш — жидккая кашица или похлёбка из пшена и сала (прим. ред.).

— Ишь, гордый! — вздохнула мать. — Весь в отца. Подачки ему не нужны. Аходить босиком по снегу будешь?

Гришка почувствовал, что его будто волна подхватила.

— Пусть босиком! — прокричал он. — Или вообще не буду.

Вообще не выходить не получилось. Школу никто не отменял, и снег во дворе чистить кроме Гришки было некому. Но он решил твёрдо — будет те валенки надевать только при крайней необходимости. А весной вернёт их Митричу почти новыми. Чтобы тот не думал, чего не надо, и Гришку не жалел.

Про отца Гришка знал точно — вернётся. Не может не вернуться. За все свои одиннадцать лет Гришка ни разу не слышал, чтобы отец что-то пообещал и не выполнил. Если не был уверен — не обещал, говорил: «Посмотрим». А про то, что вернётся, сказал точно.

Зря мать сомневалась. Хотя, конечно, ей было тяжко. Когда почтальон принёс письмо, в котором чёрным по белому значилось, что отец пропал без вести, она будто онемела. И глаза у неё стали тусклыми, и в волосы серебряные нитки вплелись.

Им перестали платить по отцовскому аттестату, и с продуктами стало совсем туга. Мать ходила в соседнее село, меняла какие-

то вещи на муку и картошку. Гришка удивлялся, что у неё ещё что-то осталось.

Они приехали в этот посёлок в первые дни войны. Собирались спешно, вещей взяли мало. Из игрушек Гришке разрешили забрать с собой только старого медведя. Медведь был с кривыми лапами и вытертой до лысин плюшевой шерстью. Зато самый любимый. Гришка спал с ним, когда был маленьkim, и даже теперь разговаривал с медведем, когда мать долго не возвращалась и на душе скребли кошки. С теми кошками медведьправлялся легко. Стоило ему посмотреть глазами-бусинками, и Гришке становилось веселей.

В этот посёлок командировали отца, поэтому семья и переехала. Но уже через месяц его вызвали в Москву. Без семьи. Гришка толком не понял почему. Вроде бы в какуюто школу. Отец уехал, а они с матерью остались. В чужом посёлке. В чужом доме, притулившемся у восточной окраины. Этот дом к февралю заносило по самую крышу.

Гришка мечтал, что отец вызовет их в Москву. Но он не вызвал и в посёлок не вернулся. Написал, что уходит на фронт, что вернётся непременно, а пока пусть Гришка остаётся за хозяина, бережёт мать и не куролесит. Гришка честно не куролесил. Ну почти.